

ГОЛОС КОБЗАРЯ

ЕСЛИ ГУБЫ УСТАЛИ,
ЕСЛИ СЖАТЫ ОНИ — РАЗОЖМИ,
ЧТОБЫ ПТИЧЬЕЮ СТАЕИ
ЛЕТЕЛИ СЛОВА НАД ЛЮДЬМИ.

Э. Межелайтис.

„КОБЗАРЬ” — первая книга стихов, которую я прочла в детстве. В ней я нашла много уже знакомых строк, ставших песнями на Украине. Грустные, мечтательные и мелодичные, они доносились вечерами с улиц и садочков нашего села и проносились глубоко в сердце. Из «Кобзаря» я узнала о тяжелой доле бедняков на поработанной Украине, услышала тихий и ласковый, скорбный и негодующий голос поэта. Книга в простом картонном переплете, с большими буквами на толстой серой бумаге стала самым близким другом и неизменным спутником юности. И когда с плетеной корзинкой в руках я робко переступила порог театрального института в Ленинграде, на дне этой корзинки лежал «Кобзарь».

Учиться пришлось недолго — один год: началась война. Из ворот Летнего сада уходила на фронт наша 2-я дивизия народного ополчения Ленинграда. В моем вещевом мешке «Кобзарь» уже не было. Но не потому, что я боялась тяжести, а просто наивно считала: война, какие уж там стихи!

Но на первом привале политрук нашей санроты спросил: «Девчата, кто из театрального?».

Нас было четверо. Подошли.

— Идите сейчас в роты и читайте стихи, — и, видя наше замешательство, добавил: — Комиссар просил передать, что это ваше первое боевое задание.

Мы готовы были в полном снаряжении идти десятки километров навстречу опасности, вскинуть тяжелый карабин и в упор разить врага, ползти с санитарной сумкой, чтобы помочь раненому, — но читать стихи... Это задание казалось совсем не боевым. Так думала я и, остановившись перед ротой, не решалась, да и не знала, с чего начать.

Но, когда в напряженной тишине ленинградской белой ночи услышала «Люблю тебя, Петра творенье!», а потом ветер донес слова «Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!» — не колеблясь дольше, я ответила «Завещанием» Шевченко на украинском языке:

«Поховайте та вставайте.

Кайдани порвите.

И вражою злою кровью

Волю окропите».

За словами поэтов вставала Родина и звучал страстный призыв к ее защите. Трудные наступили дни: кольцо блокады сомкнулось, погибли, защищая город Ленина, многие бойцы ополчения. Погиб наш комиссар. Нас перевели в госпиталь. После дежурства в перевязочной мы, помня боевое задание, которое стало необходимой потребностью, шли в палаты к раненым и читали стихи Пушкина, Шевченко, Маяковского, Берггольц, Симонова и Твардовского. Никогда в жизни я не читала так много, как в ту страшную первую зиму ленинградской блокады. Однажды во время кон-

церта на передовой под Ораниенбаумом начался обстрел и продолжался до темноты. Решено было переночевать, чтобы завтра продолжить концерт. Начали расходиться по землянкам.

— А ты, дочка, мабуть, до нас підешь, на Україну? — передо мной стоял капитан-артиллерист, а рядом с ним совсем молодой боец с карири смеющимися глазами. Чувствовалось, что он еле удерживался от того, чтобы не подмигнуть. — Хлопці дуже раді будуть. Ходім, — сказал он мне совсем по-свойски, и мы зашагали к блиндажу артиллеристов.

По дороге я узнала, что большинство из них — украинцы и что даже позывной батареи — «Украина».

И вот после ужина в низкой землянке с бревенчатым потолком в три наката начался концерт: хлопці співали, я читала. «Реве та й стогне Дніпр широкий...», мощно загудела любимая песня, она ширилась, росла, а когда оборвалась, наступило тягостное молчание. У всех на оккупированной земле были семьи... Что с ними?!

«Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами...», —

тихо начала я, и глаза моих земляков засветились ласковым, тихим светом, будто вместе со словами любимого поэта вошло в землянку детство и прислали свой привет родные края.

— Ще, доню, ще читай, — попросил капитан, и я припоминаю все — и «Наймичку», и «Катерину», и «Сон», и вступление к «Гайдамакам», даже отдельные строфы и четверостишия.

Закончил этот импровизированный концерт мой юный спутник. Глаза его лукавые стали глубокими, звонко и душевно он пел: «Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю, чому я не соклі, чому не літаю...». Это была песня надежды, веры в победу, мечты о светлом будущем.

И сейчас, когда мечты Шевченко так дерзновенно сбылись, когда Человек стал хозяином не только на своей родной земле, но и в небе, в космическом пространстве, когда весь мир чувствует великого кобзаря, я вспоминаю землянку под осажденным Ленинградом, где билось сердце Украины в мелодиях песен и ритмах стихов ее верного сына.

А. ИЛЬИНА,

артистка Государственного
русского драматического
театра Литовской ССР.

К празднованию 150-летнего юбилея Т. Г. Шевченко художники и скульпторы Львова готовят свои работы на Всесоюзную выставку, посвященную Т. Г. Шевченко.

НА СНИМКЕ: картина художника Виктора Савина «...И будет правда на земле».

Фото Г. Угриновича. (АПН).

